

УДК 82-31

АНТРОПОНИМЫ В РОМАНЕ И.В. ОДОЕВЦЕВОЙ «АНГЕЛ СМЕРТИ»

А.В. Александрова (Москва, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Статья посвящена анализу антропонимов романа И.В. Одоевцевой «Ангел смерти». Художественная проза данного автора мало изучена. Актуальность исследования определяется общей потребностью в изучении антропонимов как составных частей концептосферы произведения, которая определяет его идеально-эстетическую структуру и отражает авторскую картину мира, необходимую для глубинного понимания произведения.

Методология. Метод, используемый в настоящей работе, – герменевтический, позволяющий интерпретировать имена в качестве отдельных фрагментов (элементарных единиц) произведения. Герменевтический метод дает возможность анализировать текст с разных сторон, рассматривая его с лингвистической, исторической и психологической точек зрения.

Цель работы – комплексное исследование антропонимов романа И.В. Одоевцевой «Ангел смерти».

Обзор научной литературы по проблеме. Были изучены научные работы, посвященные изучению прозы И.В. Одоевцевой, и труды по литературной ономастике.

Результаты исследования. Автор убедительно доказывает, что имена напрямую отражают внутреннюю сущность героев-носителей и содержат глубинно-обобщающее начало характеристики персонажей.

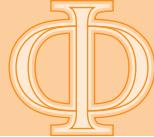
Выводы. Героев романа можно рассматривать в качестве символов и говорить о чертах притчевости в данном произведении. Обнаружение элементов притчи является новым взглядом на художественную прозу И.В. Одоевцевой.

Ключевые слова: Одоевцева, ангел смерти, говорящие имена, Люка, Азраил, антропоним, символ, притча, эмигрантская литература, русский роман.

Постановка проблемы. Проза И.В. Одоевцевой на сегодняшний день изучена достаточно поверхностно. Широкий обзор творчества И.В. Одоевцевой дает М.О. Рубинс [Рубинс, 2011], здесь мы встречаемся скорее с беглым взглядом на творчество в целом, чем с детальным изучением отдельных произведений.

Обзор научной литературы. Под пристальным вниманием ученых оказались мемуары И.В. Одоевцевой «На берегах Невы» и «На берегах Сены» – это работы О.Р. Демидовой [2008], К.А. Жульковой [2022], А.А. Кузнецовой¹ [2005], В.А. Сонькина [2020], Г.В. Якушевой [2012] и др. Из них особенно хотелось бы

¹ Кузнецова А.А. Идейное и художественное своеобразие мемуарной прозы второстепенных писателей русской литературной эмиграции: Н. Берберова, И. Одоевцева, В. Яновский: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2005. 18 с.

выделить диссертацию А.А. Кузнецовой [Кузнецова, 2005], где подробно рассматривается творческий метод И.В. Одоевцевой и сравнивается с приемами других мемуаристов. В некоторых научных статьях анализируются рассказы [Петухова, 2020; Цепенникова, 2014]. Некоторые работы направлены на исследование романов. Например, статья Ю.В. Елькиной «Кино как тема и конструктивный принцип поэтики в творчестве И. Одоевцевой: роман “Зеркало”» [Елькина, 2020].

Из прижизненной критики можно привести высказывание Георгия Адамовича. Отзываясь о романе «Ангел смерти», он говорил, что «ни в каком случае нельзя назвать роман Одоевцевой романом бытовым или психологическим» [Адамович, 2011, с. 632], однако жанровое определение так и не сформулировал. Далее он продолжает, говоря о Люке: «Такие лукаво-беспечные, наивно-жестокие, невинно-порочные подростки еще не знакомы нашей литературе... это новая в ней тема, достойная пристального внимания...». Подобное высказывание позволяет говорить о том, что он приближал жанр данного произведения к роману взросления, но с нетипичным для того времени героем.

Цель работы – выявить скрытые смыслы в именах героев романа И.В. Одоевцевой «Ангел смерти».

Анализируя роман, интересно рассмотреть антропонимы, их имплицитную составляющую.

Исходя из поставленной цели, решаются следующие задачи:

- 1) определить буквальное значение имен персонажей в произведении;
- 2) выяснить, как соотносится точное значение имен с характером и поведением данного героя в романе;
- 3) выявить смысловой концепт конкретного персонажа как структурного звена произведения.

Важно не только вскрыть значение каждого антропонима, но и выявить его ассоциативную, оценочную, смысловую наполненность, то есть определить концепт. Это поможет выстраивать целостную смысловую модель функционирования персонажей в произведении, в том числе рассматривать образы главных героев как обобщенные фигуры, образы-символы.

Создатель Воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалев указывает на способность онимов выступать средствами характеристики персонажа, нести информацию о его социальной окраске, авторском сознании, являясь индикаторами хронотопа [Ковалев, 2014].

А.В. Суперанская утверждает, что «в художественном произведении нет не говорящих имен. Каждое имя, использованное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которое только оно способно. Оно с максимальной силой развивает оттенки, мимо которых мы проходим в жизни. Автор выбирает для своего героя не всякое имя, а соответствующее его возрасту, характеру, социальному статусу» [Суперанская, 2012, с. 183].

По мнению С.А. Скуридиной, автор в процессе создания произведения выбирает имена своим героям в зависимости «от воспроизведения мифopoэтической

картины мира», кроме того, через них может осуществляться и «вербализация авторского мифа» [Скуридина², 2020, с. 12].

Результаты исследования. Роман впервые был издан в 1928 г., а формирование писательского стиля Ирины Одоевцевой происходило в период Серебряного века, то есть эпоху модернизма. С одной стороны, старая классика никуда не делась, обновленный и трансформированный реализм тогда сосуществовал с новым направлением. С другой – модернизм был ведущим и привлекал основную массу (особенно молодых) писателей и поэтов. Именно в таком ключе и развивается творческая манера И.В. Одоевцевой (модернизм и связь с классикой). Еще М.О. Рубинс подмечала влияние произведений Л.Н. Толстого и А.П. Чехова на прозу данного автора. Это было выявлено и в нашей предыдущей работе «Особенности восприятия мира в романе И.В. Одоевцевой “Ангел смерти”» [Александрова, 2025]. Но модернизм тоже налицо: в романе духовно-нравственные ориентиры даются в несколько ином ракурсе, нежели в классике, наблюдается обилие образов-символов.

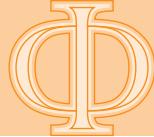
Начнем с Азраила. Это имя взято из произведений М.Ю. Лермонтова «Ангел смерти» и «Азраил»³. Ангел смерти встречается в древнейших пластах иудейской мифологии под именем Самаэль, в Коране он превращается в Израила [Мифы народов мира, 1994, с. 78]. Далее возможны некоторые вариации, одну из которых использует М.Ю. Лермонтов, – «Азраил». В силу своей архаичности этот образ неоднозначен: с одной стороны, он служит Богу, а с другой – является его врагом. В статье В.В. Бугорской «Образы ангелов в творчестве М.Ю. Лермонтова» тоже указывается двуликость данного персонажа [Бугорская, 2020].

Эту двоякость умело использует И.В. Одоевцева. В ее романе Азраил сначала выступает как символ чистоты, так как он небесной природы – с большими крыльями, он прекрасен – у него сияющие глаза. Именно таким его видит Люка в своих снах, он приходит на рассвете, окутанный белым туманом. Когда одноклассница Ивонна обещает показать подругам своего кузена Поля и приводит его в Люксембургский сад, то Люке этот тип кажется развязным и неприятным: «Как противно. Руки у него потные, и весь он отвратительный... А она, Люка, побежала смотреть на него. Она, к которой прилетал Азраил...»⁴. Но постепенно Азраил начинает проявлять свою демоническую природу: крылья у него черные, появляется он ночью. По мере полового созревания Люки, меняется и отношение к любви. Сначала она воспринимает ее как чувство высокого, неземного, «платонического» характера, но постепенно превращается в любовь земную, «греховную». Азраил постепенно сливаются с Арсением.

² Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2020. 392 с.

³ Лермонтов М. Герой нашего времени. Собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. С. 325, 318.

⁴ Одоевцева И. Елисейские поля. Романы, рассказы. СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. С. 44.

Образ Арсения тоже претерпевает трансформацию. Изначально это сказочный эльф, который явился на Рождественские празднества и признался маленькой Люке в любви, когда она с родителями еще жила в России. Затем, уже в эмиграции, она встречает молодого человека по имени Арсений. Детское сознание соединяет этот образ с эльфом (имена совпадают). Она убеждена, что он влюблен в нее, но скрывает это. На самом деле это она влюбляется в Арсения – друга своей старшей сестры Веры. Имя Арсений греческого происхождения и означает в переводе на русский «мужчина». Некоторые словари фиксируют значение имени как «мужественный» [Суперанская, 2005, с. 40], а также «бодрый», «крепкий», «строгий» [Угрюмов, 1970, с. 61]. Но мы будем использовать именно прямой перевод, так как он ближе всего подходит к сущности этого персонажа. Он действительно по сюжету романа станет первой любовью Люки, первым мужчиной в ее жизни. Восприятие отношений у девочки еще не сформировалось, поэтому поначалу Арсений-мужчина представлен сказочным эльфом. По мере взросления представления меняются, и образ Арсения-эльфа постепенно замещается Арсением-Азраилом. Интересен эпизод, когда сестра выходит замуж и съезжает с квартиры. Комната, которую приходилось делить с Верой, теперь достается одной Люке. Она погружается в раздумья о взрослой «греховной» жизни (свадьба сестры дает повод для рефлексии), как вдруг ей кажется, что рядом появляется кот Васька, но глаза у него остекленевшие, как у повешенного ангорского котенка Ступки. Белый котенок символизирует чистоту, невинность, детство [Александрова, 2025] – все это осталось в России, так что поступок Люки (убийство), как бы ни казался жестоким, в развитии сюжета романа вполне закономерен. Для реального ребенка из культурной семьи такой поступок вряд ли возможен, но в произведении И.В. Одоевцевой это действие символично и вполне укладывается в сюжетную ткань. Таким образом, повесив Ступку, Люка порывает с землей предков, раз и навсегда разрушает мир детства, прощается с чистотой.

После умерщвления котенка впервые появляется Азраил. «И вдруг захлопали крылья, и что-то влетело в окно... Это Ангел смерти прилетел за Ступкиной душой. Азраил, Ангел смерти. Люка знала, он всегда прилетает за душами»⁵.

Имя Василий (полное имя Васьки) греческого происхождения и означает «царь», «царственный» [Суперанская, 2005, с. 60]. Думы об Арсении-мужчине уже царят в сердце юной героини. Но это вовсе не тот Арсений-эльф из детства, – это новый Арсений-Азраил, одновременно притягивающий и пугающий. Именно поэтому кот Васька, закрытый на кухне, сливаются с Азраилом. Азраил же как символ земной любви становится царем положения, он распоряжается сердцем и поступками девушки-подростка. Как однажды Азраил унес Ступку («кошку взял ангел»⁶), так унесет и невинность Люки. Он двуличен и коварен.

Когда Вишневские уезжали из страны, маленькой девочке все мерещился ангел смерти, будто сопровождал ее по пути в эмиграцию.

⁵ Одоевцева И. Елисейские поля. Романы, рассказы. СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. С. 39.

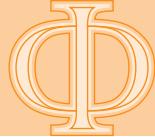
⁶ Там же. С. 40.

Во Франции начинается совсем другая жизнь. Однако Екатерина Львовна, мама Люки и Веры, делает все, чтобы держаться на плаву. Оставшись без мужа, она самостоятельно пытается вырастить двух дочерей, практически принося в жертву свою молодость и собственное благополучие. Имя Екатерина греческого происхождения и означает «чистота», «благопристойность» [Суперанская, 2005, с. 284], что полностью отражает характер данного персонажа. Отчество Львовна придает образу благородство, царственную грацию. Это типичный характер положительной русской женщины в классическом варианте. Есть в ней что-то самоотрешенное, иррациональное; будущее детей для нее на первом месте.

Совершенно не похожа на нее сестра Варвара. Кстати, она везде проходит под именем «тетя Варя», отчество нигде не применяется, то есть благородство ей не присуще. В глазах Люки она «такая толстая, самоуверенная», всего на три года старше ее матери, «а совсем старуха». Для нее главное, чтобы все было правильно, вернее, по правилам. «В доме беспорядок, да и в жизни твоей всегда беспорядок был. Никогда ты не знала, что хочешь», – высказывает она Екатерине Львовне. Это говорит о том, что сестру свою она совсем не понимает. Приехав на свадьбу Веры, тетя Варя печется о строгом соблюдении православного обряда. Но, несмотря на это, у нее в характере нет ничего русского – сплошная рациональность, характерная для западного человека. О противостоянии русского и европейского подхода к жизни много говорили во второй половине XIX – начале XX в. такие философы, как В.Ф. Эрн, О. Шпенглер, Ф. Ницше, славянофилы.

Варвара в переводе с греческого означает «чужеземная» [Суперанская, 2005, с. 265; Угрюмов, 1970, с. 50], то есть поведение и мысли этой женщины идут вразрез с родной русской культурой. При этом она считает себя непогрешимой и правильной.

Есть в романе еще один персонаж, самоуверенный, как Варвара, – это Владимир. Начало XX в. для России оказалось сложным периодом: несколько революций, Первая мировая война, переход страны к социалистическому строю. Многие не выжили, кто-то разорился, но кое-кто остался при своем. К таким счастливчикам и относится Владимир Иванович. У него есть деньги. Живя за границей, он выгодно отличается от остальных русских эмигрантов, которые едва сводят концы с концами. Он чувствует себя хозяином положения, поэтому бросает свою пожилую подругу и ухаживает за молодой и красивой Верой. Она не любит его, ее сердце принадлежит Арсению, но желание жить богато делает свое дело – она соглашается на брак с ним, тем более что Арсений жениться не собирается. Владимир – имя славянского происхождения, означающее «владеть миром» [Угрюмов, 1970, с. 64], в данном случае посредством денег. Отчество Иванович тоже подчеркивает его превосходство перед другими. По одной версии, имя «Иван» в переводе с древнееврейского означает «Бог милует» [Суперанская, 2005, с. 115], что и подтверждается, учитывая бедственное положение многих эмигрантов. По другой версии, это имя означает «богатый», «замечательный» [Угрюмов, 1970, с. 68], что усиливает эффект от имени Владимир.

Имя Вера – калька с греческого, то есть дословно означает то же самое – веру. Девушка в конце романа умирает. И это не удивительно. Выйти замуж за нелюбимого человека все равно, что похоронить себя. Вера это чувствует, но гордость (не захотела, чтобы Арсений стал ее любовником), меркантильность (надоело быть бедной), злость на мир, который обернулся к ней теневой стороной, привели к тому, что она решилась на этот шаг. У нее нет подруг, нет взаимопонимания с младшей сестрой. Матери она не доверяет, считая, что та может отбить у нее женихов. Вера верит только в деньги.

В более широком смысле Вера должна отражать веру эмигрантов либо возвращение на родину, либо в лучшую жизнь, либо в Бога. Но все это в данном персонаже отсутствует. Вера демонстрирует полное безверие. Не удивительно, что И.В. Одоевцева «убирает» ее – такой образ нежизнеспособен. То же происходит и с ребенком, которого вынашивала Вера. Дети в литературе традиционно рассматриваются как будущее. Но при таких обстоятельствах будущее невозможно. Так что смерть Веры и младенца при родах логически продуманы и являются единственным возможным сюжетным вариантом.

Интересно проанализировать имена французских подростков, с которыми контактирует Люка. Ивонна – толстая, курносая, развратная, ленивая. Она не учит уроки, а молится святому, чтобы ее не вызвали к доске, обещая ему монетку. Читатель явно испытывает неприязнь к этому образу. Имя «Ивонна» образовано из древнегерманского слова, означающего «дерево тис» [Суперанская, 2005, с. 291, 115]. Слово «дерево» в применении к человеку, означает «тупоумие», что и наблюдаем у данного персонажа. Кроме того, тис – ядовитое растение, считается, что даже находится в тени этого дерева вредно для здоровья. И действительно, в романе «Ангел смерти» Ивонна развращает одноклассниц Жанну и Люку. Но если глуповатая Жанна идет у нее на поводу, то русская лицеистка отчаянно сопротивляется.

Она знакомит подруг со своим кузеном Полем, с которым периодически вступает в интимные отношения. Полю восемнадцать лет, он развязен и омерзителен. Как многие недалекие молодые люди, он строит из себя опытного мужчину. Но его имя в переводе с латинского означает «малый» [Суперанская, 2005, с. 172]. Так что имя говорит само за себя – он никто, маленький, незначительный, ничтожный. Это сразу чувствует Люка, а Жанна в него влюбляется.

Жанна – старофранцузское имя, изначально образованное от древнееврейского, означает «бог миловал» [Суперанская, 2005, с. 115, 120, 293]. Жанна красива. Она не очень умная, но добрая. И не является источником зла (яда), в отличие от Ивонны.

Имя главной героини романа – Люка, уменьшительное от имени Людмила. Это самобытное русское имя, означающее «милая людям, добрая, отзывчивая» [Угрюмов, 1970, с. 54]. Все это в ней есть, правда, Азраил сбивает ее с истинного пути, но это лишь оттого, что она пока еще мало знает жизнь. Любопытна и сама вариация имени – Люка. Звучит необычно, возможно, неспроста. Если заглянуть

в словари, то там обнаружим похожие женские имена – Люция, Лукия и вариант мужского имени – Лука. Все они означают, по одним данным, в переводе с латинского «светлый», «ясный», «блестящий» [Угрюмов, 1970, с. 55, 71]; по другим данным, в переводе с греческого – «свет» [Суперанская, 2005, с. 147]. Действительно, этот образ полон света: у девушки светлые волосы, она сияет юностью. Душа у нее тоже сияющая, несмотря на то, что она явилась причиной смерти своей сестры Веры. Но это произошло по неведению. На последних страницах романа мы видим переживание Люки и полное ее охлаждение к Арсению.

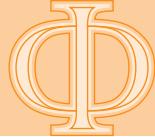
Говоря о нем, И.В. Одоевцева все время применяет эпитет «блестящий». То же можно сказать и об Азраиле. Девушка тянется к нему, ощущая, как ей кажется, родственное сияние. Но она ошибается в силу отсутствия жизненного опыта. Арсений вовсе не светлая личность, он альфонс, приспособленец. Он сам не светится, а только отражает чужой свет. Свет и блеск ангела смерти – не солнечный, а лунный, отраженный. Оба эти образа в произведении раскрываются как коварные и двуличные. То, что имя Люка связано со светом, подтверждается и словами из другого произведения писательницы, романа «Зеркало», который является продолжением «Ангела смерти». Она опять тянется к свету и сиянию, что продиктовано ее собственной светозарной природой.

Герой романа знаменитый режиссер Тьери Ривуар сразу притягивает ее внимание: «От его черных волос, от его белых зубов, от его светлых глаз исходит сияние. Он стоит перед ней в сиянии и славе»⁷. Но Люка опять ошибается, так как световая природа Ривуара не солнечная, а электрическая, искусственная. Ее постигнет жестокое разочарование и гибель.

Опираясь только на прямые значения имен, можно интерпретировать роман как притчу. Например, так: у Благородной Чистоты (Екатерины Львовны) двое детей – Вера и Свет (Люка). Как только в их жизни появляется сияющий Мужчина (Арсений), обе сестры тянутся к нему. Они не сразу поняли его истинную природу – он связан с коварным ангелом смерти (Азраилом). Однажды Вере делает предложение Властитель мира (Владимир), и она выходит за него замуж. Но Власть и Вера – плохое сочетание. Вера тянется к сиянию, которое излучает сияющий Мужчина. Но сияние его фальшивое, он может отражать чужое или излучать забранное у других, как светонакопитель. Он пользуется Верой и Светом. В результате Вера погибает (верить больше не во что). Умирает и ее не успевший родиться ребенок, как предполагалось, девочка (надежда на счастливое будущее). Перед смертью Вера проклинает Свет. Свет раскаивается и утрачивает интерес к сияющему Мужчине, окончательно разобравшись в источнике его сияния. Вся эта история произошла от нехватки в жизни настоящего солнца.

Таким образом, подробный анализ имен персонажей дает возможность рассматривать «Ангел смерти» как роман с притчевым началом, что представляется новым в изучении прозы данного автора.

⁷ Одоевцева И. Елисейские поля. Романы, рассказы. СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. С. 257–258.

Заключение. Итак, имена персонажей не только отражают их характеры, но и дают возможность интерпретировать их как образы-символы. Это важно и для понимания творческого метода И.В. Одоевцевой, и для смысловой интерпретации произведения. Бессолнечная жизнь главных героев-эмигрантов – вот основная идея. Под солнцем, очевидно, для писательницы понималась дореволюционная культура России. Она озаряла эту жизнь. После прихода большевиков все меняется: меняется культура, меняется страна. Уцелевшие и выброшенные волной событий за границу люди оказываются в тени жизни, хотя некоторые продолжают нести в себе сияющую искру. Но без солнечной подпитки они обречены просто выгореть и перестать существовать.

Роман «Ангел смерти» выходит далеко за пределы семейной истории, или повествования о быте русских эмигрантов, или даже откровений о превращении девочки в подростка и женщину. И.В. Одоевцева представляет нам не семейные сцены, не физиологию, она оперирует смыслами, давая пищу философским обобщениям, что позволяет рассматривать данное произведение как роман с элементами притчи.

Библиографический список

1. Адамович Г.В. Из статьи «Литературные беседы. Шмелев – Ирина Одоевцева – Довид Кнут» // Одоевцева И.В. Зеркало: Избранная проза / вступ. ст., сост. и comment. М.О. Рубинс. М.: Русский путь, 2011. 656 с.
2. Александрова А.В. Особенности восприятия мира в романе И.В. Одоевцевой «Ангел смерти» // Сибирский филологический форум. 2025. № 1 (30). С. 71–83.
3. Бугорская В.В. Образы ангелов в творчестве М.Ю. Лермонтова // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. Ижевск, 2020. Т. 30, вып. 2. С. 296–302.
4. Демидова О.Р. «Эмигрантские дочери» о себе: варианты судьбы // Литература русского зарубежья (1920–1940-е годы): Взгляд из XXI века. СПб., 2008. С. 58–70.
5. Елькина Ю.В. Кино как тема и конструктивный принцип поэтики в творчестве И. Одоевцевой: роман «Зеркало» // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сб. ст. молодых ученых. Екатеринбург: УГИ УрФУ, 2020. Вып. 3. С. 60–63.
6. Жулькова К.А. Специфика функционирования художественной детали в мемуарах Ирины Одоевцевой «На берегах Невы» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение: реферативный журнал. 2022. № 1. С. 49–61. DOI: 10.31249/lit/202.01.03
7. Ковалев Г.Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Новая книга, 2014. С. 3–27.
8. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Рос. Энциклопедия, 1994. Т. 1. А – К. 671 с.

9. Петухова А.И. Мотив счастья в рассказах Ирины Одоевцевой // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2020. № 3. С. 94–100. DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-94-100
10. Рубинс М.О. Парижская проза Ирины Одоевцевой (Предисловие) // Одоевцева И.В. Зеркало: избранная проза. М.: Русский путь, 2011. С. 2–11.
11. Сонькин В. Портрет и характер «особенного человека» в мемуарной прозе И.В. Одоевцевой // Филология и культура. 2020. № 3 (61). С. 157–162. DOI: 10.26907/2074-0239-2020-61-3-157-162
12. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: URSS, 2012. 368 с.
13. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с. (от А до Я).
14. Угрюмов А.А. Русские имена. Вологда: Северо-Западное книж. изд-во, 1970. 112 с.
15. Цепенникова А.Н. Трансгрессия концепта «дом» в литературе эмиграции четвертой волны // Уральский филологический вестник. 2014. № 4. С. 39–48.
16. Якушева Г.В. Женский взгляд на русское зарубежье (о мемуарах Ирины Одоевцевой) // Вопросы русской литературы. 2012. № 24 (81). С. 169–175.

Сведения об авторе

Александрова Ариадна Викторовна – старший преподаватель кафедры отечественной и зарубежной литературы, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»; e-mail: qwiny@mail.ru

ANTHROONYMS IN I.V. ODOYEVSEVA'S NOVEL *THE ANGEL OF DEATH*

A.V. Aleksandrova (Moscow, Russian)

Abstract

Statement of the problem. This article analyzes the anthroonyms in I. V. Odoyevtseva's novel *Angel of Death*. This author's fiction remains understudied. The relevance of the research is determined by the general need to study anthroonyms as components of the conceptual sphere of the novel, which defines its ideological and aesthetic structure and reflects the author's world view, necessary for an in-depth understanding of the work.

The purpose of the article is a comprehensive study of the anthroonyms in I.V. Odoyevtseva's novel *The Angel of Death*.

Methodology. The method used in this work is hermeneutical, which makes it possible to interpret names as separate fragments (elementary units) of a work. The hermeneutic method helps to analyze a text from different angles, considering it from linguistic, historical and psychological points of view.

Review of scientific literature on the problem. Scientific works devoted to the study of I.V. Odoyevtseva's prose and works devoted to literary onomastics were studied.

Research results. The author convincingly proves that the names directly reflect the inner essence of the carrier characters and contain a profoundly generalizing characterization principle.

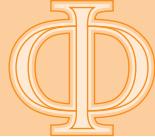
Conclusions. The novel's characters can be viewed as symbols, and the work's parable-like qualities can be discussed. The discovery of parable elements offers a new perspective on I.V. Odoyevtseva's fiction.

Keywords: Odoyevtseva, *Angel of Death*, charactonym, Luke, Azrael, anthroponym, symbol, parable, emigrant literature, Russian novel.

References

1. Adamovich G.V. Iz stat'i "Literaturnye besedy. Shmelev – Irina Odoyevtseva – Dovid Knut". In: Odoyevtseva, I.V. Zerkalo: Izbrannaja proza [vstup. st., sost. i komment. M.O. Rubins]. Moscow, Russkij put', 2011. 656 p.
2. Aleksandrova A.V. Osobennosti vosprijatija mira v romane I.V. Odoyevtsevoj "Angel smerti" [Features of the perception of the world in the novel by I.V. Odoyevtseva "Angel of Death"]. *Sibirskij filologicheskij forum* [Siberian philological forum], 2025, 1, 71–83.
3. Bugorskaja V.V. Obrazy angelov v tvorchestve M.Ju. Lermontova. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija: Istorija i filologija* [Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology]. Izhevsk, 2020. 30, 2, 296–302.
4. Demidova O.R. "Migrantskie docheri" o sebe: varianty sud'by ["Emigrant Daughters" about themselves: variants of fate]. *Literatura russkogo zarubezh'ja* (1920–1940-e gody): Vzgljad iz XXI veka. St. Petersburg, 2008, 58–70.

5. El'kina Ju.V. Kino kak tema i konstruktivnyj princip pojetiki v tvorchestve I. Odoyevtsevoj: roman “Zerkalo” [Cinema as a theme and constructive principle of poetics in the works of I. Odoyevtseva: the novel “The Mirror”]. Ju. V. El'kina. In: *INITIUM. Hudozhestvennaja literatura: opyt sovremennoogo prochtenija: sbornik statej molodyh uchenyh* [INITIUM. Fiction: the experience of modern reading: a collection of articles by young scientists]. Ekaterinburg, UGI UrFU, 2020, 3, 60–63.
6. Zhul'kova K.A. Specifika funkcionirovaniya hudozhestvennoj detali v memuarah Iriny Odoyevtsevoj “Na beregah Nevy” [The specifics of the functioning of an artistic detail in Irina Odoyevtseva's memoirs “On the Banks of the Neva”]. *Social'nye i gumanitarnye nauki*. In: *Otechestvennaja i zarubezhnaja literature* [Social sciences and humanities. Russian and foreign literature]. Ser. 7, Literaturovedenie: Referativnyj zhurnal. 2022. 1, 49–61. DOI: 10.31249/lit/202.01.03
7. Kovalev G.F. Aspekty izuchenija imen sobstvennyh v hudozhestvennyh proizvedenijah // Izbrannoe. Literaturnaja onomastika [Aspects of the Study of Proper Names in Works of Art. In: Selected Works. Literary Onomastics]. Voronezh, publishing and printing New Book Center, 2014, 3–27.
8. Mify narodov mira. Jenciklopedija, v 2-h tomah [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia] in 2 volumes. Edited by S.A. Tokarev. Moscow, Ros. Enciklopedija, 1994, 1: A – K. 671 p.
9. Petuhova A.I. Motiv schast'ja v rasskazah Iriny Odoyevcevoj [The motive of happiness in the stories of Irina Odoyevtseva]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija* [Herald of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology]. 2020, 3, 94–100. DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-94-100
10. Rubins M.O. Parizhskaja proza Iriny Odoyevtsevoj (Predislovie) [Parisian Prose by Irina Odoyevtseva]. Odoyevtseva I.V. Zerkalo: izbrannaja proza [Odoyevtseva I.V. Mirror: Selected Prose]. Moscow, Russkij put', 2011, 2–11.
11. Son'kin V. Portret i harakter “osobennogo cheloveka” memuarnoj proze I.V. Odoyevtsevoj [Portrait and character of a “special person” in I.V. Odoyevtseva's memoir prose]. In: *Filologija i kul'tura* [Philology and Culture]. 2020, 3 (61), 157–162. DOI: 10.26907/2074-0239-2020-61-3-157-162
12. Superanskaja A.V. Obshchaja teorija imeni sobstvennogo [General theory of proper names]. Moscow: URSS, 2012. 368 p.
13. Superanskaja A.V. Sovremennyj slovar' lichnyh imen: Sravnenie. Proishozhdenie. Napisanie [Modern Dictionary of Personal Names: Comparison. Origin. Spelling]. Moscow, Ajris-press, 2005. 384 p. (ot A do Ja).
14. Ugrjumov A.A. Russkie imena[Russian names]. Vologda, Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970. 112 p.
15. Cepennikova A.N. Transgressija koncepta “dom” v literature jemigracii chetvertoj volny [The transgression of the concept of “home” in the literature of the fourth wave of emigration]. In: *Ural'skij filologicheskij vestnik* [Ural philological bulletin]. 2014, 4, 39–48.

16. Jakusheva G.V. Zhenskij vzgljad na russkoe zarubezh'e (o memuarah Iriny Odoyevtsevoj) [A Woman's View of the Russian Diaspora (on the Memoirs of Irina Odoyevtseva)]. In: *Voprosy russkoj literatury* [Questions of Russian literature]. 2012, 24 (81), 169–175.

About the author

Aleksandrova, Ariadna V. – Senior Lecturer, Department of Russian and Foreign Literature, Moscow University for Industry and Finance Synergy (Moscow, Russia); e-mail: qwiny@mail.ru